

ДОКТОР КТО

Безмолвных звезд движение

Дэн Абнетт

Перевод с английского *Елены Фельдман*

АСТ
Москва

Вступление

Мы все путешествуем во времени благодаря «Доктору Кто». Пятьдесят лет существования сериала объединили самых разных людей — от убежденных сединами ветеранов до юных фанатов, еще не окончивших среднюю школу. Однажды поселившись во вселенной «Доктора Кто», мы начинаем соотносить собственные путешествия с его временной линией. Эпохи, люди и события, к которым прикоснулся Доктор, обретают для нас особую значимость и мысленно переносят туда, где однажды прозвучало знаменитое «вуу, вуу» прустовской ТАРДИС.

Да-да. Поверить не могу, что назвал ТАРДИС «прустовской», но давайте переживем это и останемся друзьями.

Позволю себе лирическое отступление. Доктор вошел в мою жизнь с Джоном Пертви. Я думаю о Третьем Докторе как о «своем», потому что именно с этого воплощения началось мое увлечение сериалом. Разумеется, я продолжал смотреть его и потом

Дэн Абнетт

и точно так же проникался симпатией к каждому последующему Доктору — но эпоха Джона Пертви стала для меня моментом инициации. Стоит мне увидеть какой-нибудь эпизод с ним, новеллизацию одной из его историй или просто обложку фанатского ежегодника тех лет, как прустовская ТАРДИС сразу же возвращает меня во времена детства. Для меня это самые волшебные эпизоды сериала — потому что я впервые увидел их ребенком и воспринял со всей страстью и благодарностью, свойственными детскому воображению.

Следующим «моим» Доктором стал Седьмой. Когда на экранах появились Сильвестр* и Софи**, я уже работал писателем и редактором. Счастливый случай привел меня в журнал *Doctor Who Magazine*, куда я устроился автором комиксов про Доктора. А поскольку комикс описывал приключения его нынешней регенерации, я сочинял истории про Сильвестра и Софи. Воспоминания о них переносят меня уже в другую эпоху — эпоху, когда я оказался связан с «Доктором Кто» в качестве автора и всеми силами пытался проникнуть в логику его персонажей, чтобы воссоздать их характеры такими же живыми и правдоподобными, как на экране.

Совершенно особенным переживанием для меня стала эпоха Одиннадцатого Доктора в исполнении Мэтта Сmita. Я всегда был горячим поклон-

* Сильвестр Маккой — актер, игравший Седьмого Доктора.

** Софи Алдред — актриса, исполнявшая роль Эйс, спутницы Седьмого Доктора.

ВСТУПЛЕНИЕ

ником сериала, но именно после его «перезапуска» начал работать над сопутствующими проектами, а потом и новеллизациями. Трепет, который я испытал, когда получил возможность поучаствовать в создании канона, был ничуть не меньше того трепета, с которым я смотрел первые эпизоды с Джоном Пертви. Просто он был иным. В какие только места не отправляла меня ТАРДИС за эти годы — но я даже предположить не мог, что однажды заберусь так далеко.

Когда мне предложили написать книгу, которую вы сейчас держите в руках, я постарался всецело проникнуться духом, настроением и образами сезонов с Одиннадцатым Доктором. Но внутренний ребенок просил добавить в повествование хоть крупицу того трепета, с которым я следил за приключениями первых воплощений.

Поэтому я решил ввести в сюжет классического монстра. Боюсь, это будет спойлером... Хотя о чем я говорю — вы уже видели обложку! В общем, мне позволили написать про Ледяных воинов. Это была огромная честь — и шанс вновь отправиться на прустовской ТАРДИС в те времена, когда для меня самого время еще не началось.

Странное дело: воплощения Хартнелла* и Траутона** производят на меня глубочайшее впечатление, хотя я в силу возраста и пропустил премьеру их сезонов. Разумеется, повзрослев, я по-

* Уильям Хартнелл — актер, игравший Первого Доктора.

** Патрик Траутон — актер, игравший Второго Доктора.

Дэн Абнетт

смотрел все эпизоды, начиная с первого, но то, почему они до сих пор вызывают у меня мурашки, — поистине вселенская загадка. Будучи ребенком, я порой встречался с Хартнеллом и Траутоном — в отрывках из фильмов, в журналах, книгах и на афишах. Благодаря монохромному они казались более загадочными, пугающими и нечеловеческими, чем все последующие регенерации. В Первом и Втором Докторе мне до сих пор видится холодная грация, сверхъестественная тишина и пустота открытого космоса.

Тому есть простое объяснение: в свое время никто не приобщил меня к этому отрезку истории Доктора. Редкие, вырванные из контекста кадры будоражили мою фантазию и интриговали своей недосказанностью. Ледяные воины, квинтэссенция врагов Второго Доктора, стали для меня абсолютным воплощением этой загадки. Именно такой секретный ингредиент я хотел бы добавить в свою книгу.

В итоге я решил написать приключение Одиннадцатого Доктора в духе сезонов с Мэттом Смитом, отведя главные роли Эми и Рори, наполнив повествование типичной для них добродушной болтовней... и слегка приправив тем ощущением мурашек, которое вызывали у меня встречи с первыми Докторами — редкие и загадочные, словно падающие звезды.

На мой взгляд, Ледяные воины — одни из самых любопытных противников Доктора. Они регуляр-

ВСТУПЛЕНИЕ

но возглавляют «топы монстров» по версии фанатов сериала, хотя случаи их появления на экране можно пересчитать по пальцам. Мне нравится, что они не классические злодеи. Нет, это древняя и неоднозначная раса пришельцев, которую нельзя обвинить в бессмысленной жестокости. У них есть своя логика и принципы, и их не получается бояться просто потому, что это большие зеленые чудовища с пушками.

Я надеюсь, что мне удалось как можно правдивее воссоздать характер Одиннадцатого Доктора. Но также мне хотелось бы, чтобы эта книга стала частью его вневременной истории — и неважно, сколько лет вы смотрите сериал и в какие глубины памяти отсылает вас прустовская ТАРДИС. Я надеюсь, что, когда дверь синей телефонной будки откроется, вам навстречу выйдет любой из бывших и будущих Докторов — но ни один из них вас не разочарует.

Мы пятьдесят лет путешествовали во времени благодаря «Доктору Кто». И, если звезды сложатся удачно, будем путешествовать еще столько же.

*Дэн Абнетт
Август 2012*

Посвящается Джорджу Манну

О Вифлеем, скорей усни,
С тобой благословение.
Пусть не затмят твои огни
Безмолвных звезд движение.
Надежды, страхи сотен лет
Сошлись в тебе сегодня:
Во тьме родился вечный Свет,
Ты — колыбель Господня!

— «*О Вифлеем, скорей усни...*»,
песня Старой Земли

Веста проснулась рано утром — еще до первых звуков Пастырского колокола, который возвещал начало трудового дня. Из-за горизонта не пробивалось ни одного солнечного луча. Девушка торопливо оделась в темноте: ворох шерстяных юбок, одна поверх другой, теплая шапка и две шали. И, конечно, перчатки — их сшила для нее Белла. Господи, как же холодно... Веста не видела, но чувствовала, как стремительно краснеют нос и щеки. Глаза заслезились, и изо рта вырвалось облачко пара.

Холод был нестерпимым. Он таил в себе угрозу, а не обещание — что бы там ни говорили Билл Рокот и остальные. Зиме давно следовало уйти, но она становилась лишь злее. Веста жила на свете восемнадцать лет, но только в последние три года узнала, что зима может быть белой — и с каждым разом все белее.

Когда девушка сняла с крючка пальто, руки в перчатках онемели окончательно. За дверью клубились серые сумерки, слегка подсвеченные сере-

Дэн Абнетт

бристым снегом. Веста отыскала ботинки и маленький горшок с домашними цветами, приготовленными с вечера. Затем ее пальцы ощупали крепкую двухметровую жердь, увенчанную садовым ножом. Летом она служила для подрезки ветвей, но теперь приобрела новое назначение: как говорила Белла, лучше узнать, глубоок ли снег, прежде чем поставить в него ногу. Снег иллюзорно искажал ландшафт, маскируя ямы и пригорки. Казалось, он только и ждет, когда ты провалишься в какую-нибудь дыру, вывихнешь лодыжку и замерзнешь насмерть, дожидаясь подмоги.

Конечно, им говорили не выходить из дома в одиночку — особенно до рассвета и после заката, но это была обычная стариковская тревога. В деревне любили рассказывать про существ, которые скрываются в чаще, но такие побасенки предназначались для неразумных детей. У Весты были дела поважнее. Пусть старые псы пасут своих овец.

Взгляд девушки остановился на имени над ее крючком: «Харвеста Флоринс». Рядом — имя Беллы. За ним — пустой крючок. Белла не любила сантиментов: она была старше, а следовательно, умнее. А вот Весте Флоринс следовало поторопиться, если она не хотела опоздать на встречу.

Шонс Плуграйт сделал им металлические набойки на ботинки. Билл Рокот, Избранный, решил Шонсу пустить на обувь остатки корабельной обшивки — хотя, по правде сказать, осталось

БЕЗМОЛВНЫХ ЗВЕЗД ДВИЖЕНИЕ

от нее не очень много. Каждый вечер, засыпая, Веста надеялась, что утром ей не придется засовывать ноги в эти колодки.

Но увы.

Ночью опять выпал снег, укрыв собой уже подмерзший наст и сделав очертания двора обманчиво-закругленными. Небо над ним переливалось всеми оттенками синего — такого же синего, как глаза Беллы. За горизонтом медленно разгорался рассвет, и Весте казалось, что она может пересчитать все звезды до единой. Крыши и трубы Белуги, запорошенные снегом, ярко выделялись на фоне кобальтового неба. За ними чернели голые деревья и постепенно восходящие горы Формеров. Облака дыма, струящиеся из труб на их вершинах, призрачно светились в темноте. Формеры располагались гораздо выше, чем дома морфов, а потому солнечные лучи каждое утро озаряли их первыми.

Веста включила солампу и, подвесив ее на жердь, осторожно двинулась по двору. Металлические набойки с хрустом ломали непрочный наст. Одной рукой девушка всаживала жердь в снег, а другой пыталась удержать ворох длинных юбок. В отдалении залаяла собака. Из коровника за домом Флоринсов донеслось заунывное мычание.

Веста свернула на Северную тропу, которая огибала колодец, а затем карабкалась в Леса, скрытые в тени Формера № 2.

Дорога давалась с трудом. Небольшое удовольствие — семенить по земле, которая вот-вот гро-